

Берега юбилеев

Станислав Федотов

*Редакция журнала «Берега», авторы и читатели сердечно поздравляют
Станислава Петровича Федотова с 85-летним юбилеем!*

Крепкого здоровья, бодрости и энергии, творческого вдохновения и новых произведений!

Станислав Федотов – сибиряк. Родился на Алтае, 30 лет жил в Томске, в Томском университете получил высшее образование. Работал на оборонных предприятиях, писал стихи и пьесы. После приёма в Союз писателей СССР (1973) перешёл на литературную работу. Автор 12 книг стихов, 8 пьес, двух романов (за трилогию «Под знаком Амура» получил Международную премию им. В. Пикуля «За развитие традиций русского исторического романа»), повестей и рассказов. Публиковался в журналах: «Берега», «Невский альманах», «Сибирские огни», «День и ночь», «Южная звезда», «Амур», «Клаузура», «Edita» (ФРГ), «Жемчужина» (Австралия), «Чайка» (США). Награждён знаком Министерства культуры РФ «За вклад в развитие культуры», медалью «За вклад в культуру г. Томска», литературными медалями.

ХОЧУ СВЕТИТЬ, КАК ЛАМПОЧКА

* * *

Каким меня задумал Бог –
откуда же мне знать?
Каким задумывал отец –
тем более молчу.
Но никогда я не хотел прокрадываться в знать,
А быть великим не сумел.
Видать, не по плечу.

Но говорят,
в середняках
я истинно хорош.
Не спорю я:
наверняка видней со стороны.
И коль копейка мне цена,
но всё-таки не грош,
И те, кто мне хвалу поёт,
не все, поди, вруны.

* * *

Всё тревожно и хрупко.
Неба взгляд неживой.
Май,
но снежная крупка
Сыплет на Стрежевой.
Густо белит бетонку,
Ямы кроет и грязь...

Только это – без толку,
В Лету канул тот князь,
Что оставил потомкам
Ширмы лаковый лик...

Но светлейший Потёмкин
Был не этим велик.

Впрочем, дело не наше:
Время то –
за спиной...
В снежной замети-каше
Суть проблемы иной.

Замечает порошей
Время славных идей,
Героических в прошлом
Дел хороших людей.

Как в те годы мечталось,
Над бытём возносьсь!
Забывалась усталость,
Мимо памяти – грязь.

Жили точно не ради
Славы или рубля
И студент в стройотряде,
И парторг у руля.

Память просит регистра –
Не уйти бы к нулю.
Забывается быстро,
Что твердили: «Люблю!»

Заметает порошей...

Но не вечна она.

Будет, нет ли хорошей

Вслед за маем весна?

* * *

Отошли пятилетки в былое,
но, видно, напрасно.

Всё вернётся,

как водится,

снова «на круги своя».

Время требует счёта,

себя, как солому на прясло, –

Годы, сутки, часы и минуты – усердно виа.

Счёта требует жизнь:

что ты сделал, себя не жалея?

Чем порадовал близких,

и польза была ль от затей?

Если ты – президент,

не шалел ли от вёдер елея?

Если ты олигарх,

сколько дал на лечение детей?

Дорогие верхи,

вы куда нас по жизни ведёте?

Коммунисты вели ко всеобщему благу, а вы?

Поднимаете Русь,

но терпенье людей на излёте.

Правда, армию подняли,

всё ж остальное – увы!

Снова Африка жжёт.

Мало было ангол, мозамбиков.

Миллиарды долгов исчезают под росчерк пера.

Ну, подумашь, будут ещё триллионы убытков!

А подумать

о благе народов своих

не пора?

Пятилетия летят,

растопорщась, подобно тетерям,

Прославляют ТВ антисанкций немислимый

вздор.

Счёт по-прежнему сводится

к невосполнимым потерям.

А у мира с Россией ведётся немислимый спор.

* * *

Едим салат...

Нам не впервой.

Питались всю войну травой

Мы, наподобие коровы.

Зато, пожалуйста, здоровы.

Восьмой десяток позади.

Бесперебойно сердце бьётся,

И тесно от любви в груди,

И песня поутру поётся.

* * *

Александр Герасимову

Ах, наша осень! Ей четыре года.

Была такая ж, помнится, погода,

И фоксик Ватсон,

лапу положив

На твой рукав,

глядел на мир печально.

Он понимал, что жизнь не идеальна,

Но был тобой согрет и, значит, – жив.

Мудры собаки и верны в любви.

Спешат на помощь – даже не зови.

Они за нас и с нами безоглядно,

До самой смерти,

то есть до конца,

Пока стучат их верные сердца,

И нам с такой любовью жить отрадно.

Ну что с того, что осень на дворе?!

Не забывайте,

как в жару и слякоть

Мы вспомним вдруг о золотой поре,

И так захочется по-бунински заплакать.

* * *

Ах, время, время!

Тот ещё пострел!

Меняет алгоритм,

как в лотерею.

По сыновьям я видел,

как старел.

По внукам вижу:

снова молодею.

* * *

Без внучек не живу ни дня.

Они со стенки на меня

Глядят с улыбкой озорною.

Я – в интернет,

они со мною.

Обгонят, пальчиком маня:

– Отстал ты, дед! – звучат звеня

Их голоса над головою.

Они в Белграде, далеко,

Но слышу я их так легко,

Как в прежние три с лишним года,

Когда, плюя на непогоду,

В коляске их возил двойной.

Хватало сил

(хоть был больной)

Для каждодневного похода.

Уже давно их рядом нет.

Не скажешь:

«Девочки, привет!» –
«Эй, дед, ты где?» – они с порога
Не крикнут мне.
Их снимки строго
В красивых рамочках висят.
Но взгляды близнецов-босят
Смутят любого.
Даже Бога.

Глаза наивны и хитры
И древним опытом мудры.
Та мудрость в глубине таится.
Порою брызнет сквозь ресницы
И снова вглубь уйдёт, на дно,
С собой увлёкши заодно
Из жизни
знания частицы.

Недаром люди говорят,
Что дети нас умней стократ:
Всех жизней пройденных богатства
Они хранят,
но не кичатся.
И – слава богу!
А по мне,
Пусть будут в двести раз умней,
Чтоб жизни нашей
не кончатся.

* * *

Земля в своём вращении
Готовит новый год,
А жизни завершение
Недугами гнетёт.
Все ныне чем-то маются –
Кто горлом, кто спиной.
Иль ноги отключаются,
Как в случае со мной.
Мой возраст – дата в паспорте –
Не жемчугом расшит.
Визит с косою пастыря
Не так уж и страшит.
В любом конце истории –
Профан ты или спец –
Могилы, крематории,
А суть одна – конец!

Когда-то всё закончится,
Прихлопнет Бог печать,
Но очень уж не хочется
Любимых огорчать.
Иссякнет жизни житница –
Прибрать не тороплю...
Но вот словцо «дожитие»
Я просто не терплю.

Не согнутый калачиком
В постели, чуть дыша, –
Хочу светить, как лампочка:
Перегорел и – ша!

* * *

Дурак набитый! Альтруист! –
Корю себя я за потери.
Взял рукопись стихов артист
И потерял!
Урок тетере!

Я их в уме не повторял.
Восстановлю ли строчки эти?
Но – мысль:
а вдруг он не терял,
А взял на память о поэте?

ВОСПОМИНАНИЕ

Почему-то вспомнил снова
Юность, скрывшуюся в старь...
Саша, Сашенька Бызова,
Комсомольский секретарь.
Мы приехали, поэты,
С выступленьями в Кузбасс.
Там, в Мысках, и встретил эту
Комсомолочку как раз.

Ведьмы огненная грива,
Милой панночки овал...
До чего же мы счастливо
Обживали сеновал!
Я стихи читал вначале.
Жадно слушала она.
А потом не различали
Ни рассвета, ни темна.

Мы не думали о грузе
Долга, брака – ничего!
Секса не было в Союзе,
Но – куда же без него?
Пахло клевером и мятой,
Донник пылу прибавлял...
Нас хозяин не без мата
С сеновала отправлял.

Как нашкодившие дети,
Мы бежали...
А сейчас
Родились стихи вот эти,
Через шесть десятилетий
Снова сблизившие нас.

Без претензии на умность,
С виду скромные вполне,
Возвратившие нам юность.
Ну, по крайней мере, мне.